

Алексей Лявданский
(Москва)

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ РЕПЛИКИ В ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОМ: СТРУКТУРА И ПРАГМАТИКА

Побудительные или директивные высказывания в древнееврейском представляют особый интерес в связи с тем, что в них достаточно регулярно используются частицы, которые принято называть текстовыми коннекторами¹ или дискурсивными маркерами². Работы, посвященные дискурсивным маркерам в древнееврейском, в основном содержат анализ употребления отдельных лексем³. Необходимость в обобщающем исследовании, отвечающем современным представлениям о функционировании дискурсивных маркеров и о структуре дискурса, вполне очевидна⁴. С практической точки зрения наиболее разумным путем к созданию такого исследования является ограничение материала. Имеющиеся наблюдения над употреблением дискурсивных маркеров в древнееврейском, таких как *ʾābāl*, *wə*, *ki*, *wəʿattā*, показывают, что основная сфера их употребления — это прямая речь или диалог в повествовании. Поэтому, вместо того чтобы описывать дискурсивные маркеры «вообще», имеет смысл ограничить это исследование корпусом прямой речи в древнееврейском тексте Библии. Создание такого корпуса в техническом плане — вполне осуществимая задача, однако ни одна из существующих электронных баз данных не предоставляет доступ к такому корпусу *at hand*. Жанровая разметка прямой речи, сделанная мной на примере текста Книги Судей, показала, что наиболее частотным типом реплик в древнееврейском диалоге являются побудительные (директивные) реплики⁵. Один из наиболее продуктивных подходов к описанию употреблений дискурсивных маркеров (ДМ) опирается на представление о том, что они выражают текстовые, или «риторические» отношения, их функционирование зависит от структуры текста⁶. В этой работе рассматривается структура побудительных реплик

в древнееврейском и ее взаимоотношения с прагматическими условиями акта речи. На примере отдельных лексем показано, как соотносятся функции дискурсивных маркеров и текстовые (дискурсивные) отношения, составляющие основу этой структуры.

Корпус древнееврейского диалога и подкорпус побудительных реплик

Интерес к изучению древнееврейского письменного диалога в различных его аспектах проявился сравнительно недавно. Это связано отчасти с тем, что исследование литературного диалога и тем более диалога в древних источниках, — достаточно новое направление в филологии. Если говорить об изучении отдельных типов высказываний или типов реплик в древнееврейском диалоге, то важнейшей работой в этой области является книга немецкого исследователя Андреаса Вагнера о речевых актах в древнееврейском⁷. Она написана на материале лишь небольшого фрагмента повествовательной прозы — так называемого «повествования о престолонаследии» (2 Цар 9 – 3 Цар 2). В книге А. Вагнера сделаны ценные наблюдения над тем, как оформляются высказывания различных типов; небольшой раздел посвящен специально директивным речевым актам⁸. В фокусе исследования А. Вагнера — грамматические способы оформления директивов, а также употребление некоторых частиц (*wə'attā* и *nā*). В работе Й.Ф. Диля рассмотрено употребление глагольных форм в побудительных высказываниях, а именно цепочки глагольных форм, следующие за императивом⁹. Поскольку эта работа предполагает обсуждение грамматических явлений за пределами простейшего предложения, т.е. на уровне текста, в ней затронуты некоторые вопросы структуры побудительных высказываний. Учитывая то, что побуждение может выражаться не только императивом, значительная часть побудительных высказываний осталась за пределами обсуждения в книге Й.Ф. Диля; кроме того, вопросы, касающиеся той части побудительной реплики, которая предшествует императиву, также не освещены в этой работе. В целом на настоящий момент не существует специальных исследований, посвященных структуре и прагматике побудительных реплик в древнееврейском.

Таким образом, в виду отсутствия готовых текстов, размеченных по прагматическим или жанровым (жанры диалога) параметрам, для настоящего исследования потребовалось создать хотя бы небольшой кор-

пус побудительных реплик. Несмотря на наличие разнообразных электронных корпусов древнееврейского текста Библии, наиболее надежным способом в данном случае оказался метод «тотального» чтения текста с целью выявления побудительных реплик. Была произведена вычитка текста Книги Судей и первых 11 глав Первой Книги Царств. В результате были обнаружены 343 реплики, из которых приблизительно 144 являются побудительными. «Приблизительно» в данном случае означает, что не всегда можно с определенностью сказать, к какому типу с точки зрения иллокутивной силы относится та или иная реплика.

Каковы же критерии побудительной (директивной) иллокуции? В качестве наиболее общего критерия можно принять определение Серля и Вандервекена: «Директивная цель состоит в том, чтобы попытаться заставить кого-то другого (других) сделать нечто»¹⁰. Ясно, что в первую очередь этому определению будут отвечать императивные предложения. Согласно А. Вагнеру, побуждение в древнееврейском может выражаться также и юссивами¹¹. Хорошо известно, что побуждение может выражаться предложениями, в которых нет формальных признаков побудительности, например, вопросительными или повествовательными предложениями¹². Такие примеры есть в древнееврейском:

(1) Суд 15:18 (побуждение через вопрос)¹³

וַיִּצְמָא מְאֹד וַיִּקְרָא אֶל־יְהוָה וַיֹּאמֶר אֵתָּה
נָתַתְּ בְיַד־עַבְדְּךָ אֶת־הַתְּשׁוּעָה הַגְּדוֹלָה הַזֹּאת וְעַתָּה אָמוּת
בְּצִמָּא וְנִפְלֵתִי בְיַד הָעַרְלִים:

Очень сильно страдал он от жажды и воскликнул, обратившись к Господу: «Ты дал своему рабу такое великое спасение! И что же, теперь я умру от жажды и попаду в руки необрезанных?!»

(2) 4 Цар 2:19 (побуждение через утверждение)¹⁴

וַיֹּאמְרוּ אַנְשֵׁי הָעִיר אֶל־אֱלִישָׁע הַנֶּהֱנָא מוֹשֵׁב הָעִיר טוֹב
כַּאֲשֶׁר אֲדֹנָי רָאָה וְהַמַּיִם רַעִים וְהָאָרֶץ מִשְׁכָּלֶת:

Жители города обратились к Элише: «Город расположен в хорошем месте, как ты видишь, господин наш, но вода в нем плохая и земля не родит».

Некоторые реплики, содержащие формальное побуждение (императив или юссив), не являются побудительными, или же их классификация как побудительных вызывает сомнения.

В приведенной ниже реплике побуждение выполняет вспомогательную роль (вспомогательная иллокуция), предваряя вопрос. Иными словами, здесь доминирует вопрос, а не побуждение.

(3) 1 Цар 9:18

וַיָּגֶשׁ שָׁאוּל אֶת־שְׁמוּאֵל בְּחוּךְ הַשָּׂעַר וַיֹּאמֶר׃
הַגִּידָה־נָא לִי אֵיזָה בֵּית הָרְאָה:

Саул подошел к Самуилу в городе и сказал: «Скажи, пожалуйста, где живет провидец?»

Иногда вопросы относят к директивам, поскольку в любом вопросе имплицитно содержится побуждение дать ответ¹⁵. Однако при выборке реплик для данного исследования вопросы не учитывались, за исключением побуждений в форме вопроса (косвенные речевые акты).

Следующий пример содержит формальное выражение побуждения (имперфект в юссивном значении *yaʿăšä*), но нет явного побуждения на уровне иллокуции.

(4) 1 Цар 3:18

וַיַּגִּדְלוֹ שְׁמוּאֵל אֶת־כָּל־הַדְּבָרִים וְלֹא כָחַד׃
מִמֶּנּוּ וַיֹּאמֶר יְהוָה הוּא הַטּוֹב בְּעֵינָיו יַעֲשֶׂה: פ

Самуил рассказал ему все и не утаил от него ничего. Тогда Эли сказал: «Он — Господь. Пусть делает так, как ему угодно».

Не очевидно, что выраженная Эли покорность воле Бога является побуждением. Эта реплика Эли близка к типу реплик, которые сами носители языка обычно называют «разрешением». Разрешения иногда относят к директивам, но исследователи отмечают проблематичность этой категории¹⁶. По-видимому, разрешения и некоторые другие формальные побуждения, подобные реплике Эли, представляют собой какую-то пограничную группу¹⁷.

Особый интерес представляют сложные реплики, в которых происходит переход от реактивного (ответного) высказывания к иницирующему высказыванию. Вот пример перехода от ответа к побуждению в пределах одной реплики:

(5) 1 Цар 3:5

וַיָּרֶץ אֶל-עָלִי וַיֹּאמֶר הֲנִי כִּי-קָרָאתָ לִּי
וַיֹּאמֶר לֹא-קָרָאתִי שׁוּב שָׁכַב וַיֵּלֶךְ וַיִּשְׁכַּב: ־

Он прибежал к Эли и сказал: «Вот я. Ведь ты звал меня?». Эли ответил: «Я не звал тебя. Иди, ложись». Тот пошел и лег.

В такого рода репликах, если они содержат более двух клауз, структура будет более сложной. Она может включать, помимо текстовых отношений внутри директива, также и текстовые отношения внутри ответа. Кроме того, возможно, переход от реактивной части реплики к ее иницирующей части будет маркироваться лексически. Однако отношения такого типа внутри реплик в этой работе не рассматриваются.

Структура побудительных реплик и прагматика

В организации побудительных высказываний проявляются некоторые закономерности, имеющие, по-видимому, универсальный характер. Так, например, довольно часто просьбы или требования сопровождаются их обоснованием (причиной или целью), и тогда побудительное высказывание включает не только директив (побуждение), но и констатив (утверждение), с точки зрения типа иллюкуции.

Рассмотрим эпизод, когда жители Бет-Шемеша просят жителей Кирьят-Иеарима (или предлагают им?), чтобы те забрали у них ковчег. Реплика состоит из двух клауз (простейших предложений). Первая клауза, индикативная («Филистимляне вернули ковчег Господа»), вводит адресата в курс дела и в каком-то смысле содержит обоснование просьбы:

(6) 1 Цар 6:21

וַיִּשְׁלְחוּ מַלְאָכִים אֶל-יוֹשְׁבֵי קִרְיַת-יְעָרִים לֵאמֹר
הֲשִׁבוּ פֶלֶשְׁתִּים אֶת-אֲרוֹן יְהוָה רְדוּ הֵעָלוּ אִתּוֹ אֵלֵיכֶם:

Они отправили посланцев в Кирьят-Иеарим со словами: «Филистимляне вернули ковчег Господа. Придите и заберите его к себе».

Следующий пример представлен репликой, в которой только первая клауза является формально побудительной. Жители Явеша просят На-

хаша Аммонитянина отсрочить заключение страшного договора. Чтобы добиться этой трудной, почти невозможной цели, они обосновывают свою просьбу еще несколькими клаузами, которые вводятся конструкцией ($w\bar{a} + q\bar{a}tal$), часто используемой для выражения цели¹⁸.

(7) 1 Цар 11:3

וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו זְקֵנֵי יִבְיִשׁ הַרְף לָנוּ שִׁבְעַת יָמִים וְנִשְׁלַחְהָ מִלְאָכִים
בְּכָל נְבוּל יִשְׂרָאֵל וְאִם-אֵין מוֹשִׁיעַ אֶתְנוּ וַיִּצְאָנוּ אֵלָיֶךָ:

Старейшины Явеша ему сказали: «Дай нам семь дней. Мы разошлем послов во все пределы Израиля, и если никто не поможет нам, мы сдадимся тебе».

Завершается эта вспомогательная цепочка клауз обусловленным обещанием («мы сдадимся тебе»). Зачем же говорящий расширяет побудительную реплику дополнительными предложениями, формально не являющимися побудительными? Почему бы не ограничиться одним только побудительным предложением?

В литературе накоплено много наблюдений над устройством директивных реплик в различных языках. Составной, сложный характер директивных реплик связан с тем, что говорящий выбирает различные стратегии для достижения коммуникативной цели побуждения¹⁹. Выбор стратегии зависит, как правило, от факторов, которые принято называть прагматическими: например, от социальной или возрастной дистанции между собеседниками²⁰; от того, каковы взаимоотношения между собеседниками; от того, насколько трудным является выполнение желаемого действия, или насколько срочной является просьба²¹. Как показывает история исследования директивов, большое внимание уделялось стратегиям, касающимся выбора лексики или различных синтаксических конструкций²² при построении «ядерного» высказывания (*head act*)²³. К так называемым «внутренним модификаторам» относятся: формы с отрицанием (*Can you give...? vs. Can't you give...?*); различные смягчающие выражения (*downtoners*²⁴: *possibly, perhaps, it seems to me*); диминутивы²⁵; упрашивания (*cajolers*: *I mean, you know*); неопределенно-уклончивые выражения, хеджи (*hedges*: *kind of, как бы*); маркеры вежливости (*Please, for favor*)²⁶.

По-видимому, те же прагматические цели преследуют разнообразные «внешние модификаторы» директивов: обоснования (*reasons or grounders*); подготовительные акты (*preparators*: *I need to ask you a*

really big favour); обезоруживающие фразы (disarmers)²⁷; предварительные акты, направленные на достижение заинтересованности собеседника (pre-commitments: Не могли бы Вы мне помочь?); обещания награды²⁸.

Можно подытожить этот небольшой обзор стратегий побуждения так: чем больше препятствий к выполнению просьбы (чем дальше социальная или возрастная дистанция, чем хуже отношения между собеседниками, чем труднее выполнение требуемой задачи), тем больше дополнительных средств задействовано в побудительной реплике. Если говорить о «внешних модификаторах», то это проявится в удлинении реплики, в увеличении количества клауз.

Выше были рассмотрены два примера, содержащие «внешние модификаторы» директивов, которые вслед за Ю.А. Дараган можно называть вспомогательными иллюкуциями: индикативная клауза в примере (6) может быть понята как предварительный речевой акт, направленный на достижение заинтересованности; цепочка клауз после императивной клаузы в примере (7) представляет собой обоснование просьбы. Наблюдения над побудительными репликами в древнееврейском показывают, что реплики с вспомогательными иллюкуциями встречаются очень часто. Вряд ли имеет смысл приводить здесь большое количество примеров таких реплик. В качестве еще одной иллюстрации рассмотрим случай, когда в роли внешнего модификатора выступает угроза. Вот как Эли пытается узнать у Самуила, что было ему сказано ночью:

(8) 1 Цар 3:17

וַיֹּאמֶר מָה הַדְּבָר אֲשֶׁר דִּבֶּר אֱלֹהִים אֵלַיךְ אֶל־נָא תִכְחַד מִמֶּנִּי כִּי יַעֲשֶׂה לִּי אֱלֹהִים
וְכִי יוֹסִיף אִם־תִּכְחַד מִמֶּנִּי דְבַר מִכָּל־הַדְּבָר אֲשֶׁר־דִּבֶּר אֱלֹהִים:

«Что Он сказал тебе? Не скрывай от меня ничего. Пусть так-то и так-то покарает тебя Бог, если ты утаишь от меня хоть слово, которое Он сказал тебе!»

Главной целью этой реплики является добиться от Самуила ответа на вопрос. Поэтому все клаузы, следующие за вопросительным предложением и представляющие собой побуждение, сопровождаемое угрозой, подчинены вопросу.

В рассмотренных выше примерах (6, 7) можно видеть, что реплика, в целом воспринимаемая как побудительная, содержит, помимо импе-

ративных предложений, также и индикативные, которые мы называем внешними модификаторами. В примере (8), если рассмотреть ту часть реплики, которая следует за вопросом, наблюдается аналогичная структура: побуждение подкреплено внешним модификатором в виде угрозы (четыре клаузы, следующие за побудительным предложением). Во всех трех случаях обнаруживается, что одна часть реплики является как бы главной, доминирующей, а другая часть играет какую-то подчиненную роль. В реплике (8) такого рода подчинение проявляется на двух уровнях: угроза подчинена побуждению, а побуждение (вместе с угрозой) подчинено вопросу. При этом доминирующий характер главной части реплики — во всех трех случаях синтаксически это одна клауза — проявляется в том, что «результатирующая» иллокуция реплики определяется именно этой главной частью. Ни в одном из случаев, несмотря на наличие утверждений (индикативных предложений) в этих репликах, нельзя сказать, что они представляют собой сообщения (констативы). Еще один важный момент структуры реплики — это характер отношений между главными и подчиненными элементами. В приведенной выше классификации внешних модификаторов уже в какой-то степени очерчен круг этих отношений: вспомогательная часть реплики может быть по отношению к главной ее части «обоснованием», «подготовительным актом» и т.д. Представленные здесь элементы структуры реплики (главная и подчиненная часть; отношения между главной и подчиненной частью) являются в действительности вполне универсальными явлениями и обнаруживаются не только в репликах разнообразного типа, но и практически в любых текстах. Речь идет в самом общем плане о структуре текста и о текстовых отношениях. Существует несколько наиболее авторитетных теорий структуры текста, основные положения которых во многом сходны. Представленный выше анализ структуры трех реплик основывается на Теории риторической структуры (ТРС)²⁹. Я намеренно не пользовался терминологией этой теории³⁰, чтобы показать универсальный и достаточно очевидный характер обнаруживаемой в побудительных репликах текстовой структуры.

Проанализированные выше реплики, возможно, являются наиболее показательными и не слишком сложно устроенными. Безусловно, есть более сложные случаи, при выявлении текстовой структуры которых возникают трудности. Например, в ряде случаев имеется цепочка императивов, в которой нелегко определить, какой отрезок текста играет главную роль в реплике.

В следующем повелении Киша Саулу оба предложения кажутся, возможно, равноправными:

(9) 1 Цар 9:3

וְחִתְּבֶנָה הָאֲתוֹנוֹת לְקִישׁ אֲבִי שָׁאֹל וַיֹּאמֶר קִישׁ אֶל-שָׁאֹל בְּנֵו
קָחֵנָּה אִתָּךְ אֶת-אֶחָד מֵהַנְּעָרִים וְקוּם לֶךְ בְּקֶשׁ אֶת-הָאֲתוֹנֹת:

Однажды у Киша, Саулова отца, пропали ослицы, и он сказал Саулу, своему сыну: «Возьми одного из слуг и ступай, разыщи ослиц».

Однако проверочный тест (опускаем второе предложение *qum lek baqqeš 'et ha'ātonot*) выявляет, что первое предложение не может функционировать самостоятельно в этом контексте. Поэтому очевидно, что второе побудительное предложение является главным в этой реплике.

Дискурсивные маркеры и структура побудительных реплик

Рассмотренную выше организацию побудительных реплик можно предположительно считать универсальной. Специфическими для того или иного языка оказываются лексические средства, выражающие текстовые отношения между отрезками побудительного высказывания, в частности между основной иллокуцией и вспомогательной. Как показывают исследования дискурсивных маркеров, одной из их характеристик является опциональность, необязательность³¹. Поэтому нам интересен не только вопрос выбора (какой маркер?), но и вопрос о том, в каких случаях указанные отношения маркируются лексически, а в каких — не маркируются. Выше мы видели пример, где два дискурсивных отрезка, две части реплики не отмечены никакими частицами (пример 6). Следующий пример более показателен для древнееврейских побудительных реплик, текстовые отношения в которых довольно часто выражены лексически.

(10) 1 Цар 8:5

וַיֹּאמְרוּ אֵלָיו הִנֵּה אַתָּה זָקֵנָה וּבְנֵיךָ לֹא
הִלְכוּ בְּדַרְכֶיךָ עִתָּה שְׂמִיחָה-לָנוּ מִלֶּדָד לְשִׁפְטָנוּ כְּכֹל-הַנְּזִוִּים:

[Все старейшины Израиля собрались, пришли к Самуилу в Раму] и сказали: «Посмотри, ты уже стар, а сыновья твои поступают не так,

как ты. **Поэтому** поставь нам царя, чтобы он нами правил, как заведено у всех других народов».

В этой реплике граница между цепочкой индикативных клауз (внешний модификатор) и императивной клаузой, составляющей главную часть реплики, отмечена наречием времени *ʿattā*, выступающим здесь в роли дискурсивной частицы, или дискурсивного маркера. То, что *ʿattā* употребляется в побудительных репликах, как правило, именно в такой (дискурсивной) функции, уже показано в ряде работ³². Более того, употребление дейктических наречий времени в роли дискурсивных маркеров наблюдается в языках разных языковых семей, в частности в семитских и в индоевропейских³³. Этим и объясняется перевод этого наречия коннектором «поэтому». Обычно *ʿattā* ставится на границе между обоснованием побуждения и собственно побуждением. Значение этой частицы определяется тем текстовым отношением, которым связаны эти две части реплики. Допустим, нам в целом ясен вопрос о сфере употребления дискурсивного *ʿattā* (побудительные реплики) и его функциях (маркирование текстовых отношений между главной и вспомогательной частями реплики).

Почему в одних случаях употребляется *ʿattā*, а в других случаях текстовые отношения остаются лексически немаркированными, предстоит еще выяснить. Возможно, это связано с различиями в прагматических условиях коммуникации³⁴. В качестве рабочей гипотезы можно предложить следующее: *ʿattā* используется в большинстве нейтральных контекстов, его употребление, вероятно, определяется стремлением построить побудительную реплику «по правилам». Не исключено, что употребление *ʿattā* считалось в каком-то смысле вежливым. Сравним пример (10) с примером (6), где *ʿattā* опущено. Реплика (10) вполне отвечает тем условиям, когда уместна вежливость, возможно даже подчеркнутая вежливость: старейшины обращаются к Самуилу, который является фактическим правителем Израиля. Реплика (6) обращена жителями Бет-Шемеша к жителям Кирьят-Иеарима, т.е. имеет место диалог между равными. Это не значит, что вежливость здесь совсем не уместна, но она может быть менее выраженной и менее обязательной. Возможно, в данном случае важнее другое: просьба (или предложение?), с которым обращаются бетшемешцы к кирьятиеаримовцам, должна быть выполнена срочно, поскольку присутствие ковчега в Бет-Шемеше оказалось для его жителей опасным (1 Цар 6:19).

Рассмотрим еще одну пару подобных примеров из книги Судей. Это просьбы или требования Далилы, обращенные к Самсону. Первая из этих двух просьб следует общепринятым правилам, в ней индикативная часть реплики вводится частицей *hinne*³⁵, а императивная часть реплики вводится *ʿattā*, так же как и в примере (10):

(11) Суд 16:10

וְתֹאמֶר דָּלִיָּלָה אֶל-שָׁמְשׁוֹן הֲנֵה הַתְּלַת בֵּי וְתִדְבֵר אֵלַי
כְּזָבִים עִתָּהּ הַנִּידָה-נָא לִי בַמָּה תֵאָסֵר:

Тогда Далила сказала: «Ты меня обманул! Ты мне неправду сказал! Ну открой мне, чем тебя можно связать!»

Вторая просьба Далилы сформулирована иначе, и в ней отсутствуют указанные частицы:

(12) Суд 16:13

וְתֹאמֶר דָּלִיָּלָה אֶל-שָׁמְשׁוֹן עַד-הֲנֵה הַתְּלַת בֵּי וְתִדְבֵר
אֵלַי כְּזָבִים הַנִּידָה לִי בַמָּה תֵאָסֵר

Тогда Далила сказала: «Ты все обманываешь меня! Говоришь неправду! Открой же мне, чем тебя можно связать!»

Отметим, что в реплике (12) Далила уже третий раз пытается узнать у Самсона его тайну и совершенно очевидно, что она здесь теряет терпение. Возможно, поэтому и опущены обычные «вежливые» *hinne* и *ʿattā*, сопровождающие побудительные реплики в более нейтральной ситуации. Можно возразить, что реплика (11) тоже эмоциональна и исполнена нетерпения. Однако автор мог использовать прием снятия дискурсивных маркеров именно здесь для того, чтобы создать эффект нагнетания эмоционального напряжения в диалоге.

Заключительные замечания

Наблюдения над структурой и прагматикой побудительных реплик в древнееврейском показывают, что в их оформлении проявляются многие универсальные черты, характерные для директивов в языках мира. Эти черты касаются как состава, так и структурирования реплики. Употребление наречий времени в роли дискурсивных маркеров на границе между индикативной и императивной частями реплики из-

вестно из других языков. Все это говорит о том, что, несмотря на неизбежно искусственный характер литературного диалога в древнееврейском тексте Библии, он сохраняет черты живой коммуникации. Поэтому в изучении древнееврейского литературного диалога вполне применимы многие теоретические разработки, используемые для изучения живой разговорной речи.

Примечания

¹ *Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007. С. 358–361.

² *Дараган Ю.В.* Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Труды Международного Семинара Диалог'2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2002. В исследовании Ю.В. Дараган предпринята попытка описать употребление некоторых дискурсивных маркеров в русском языке при помощи Теории риторической структуры (ТРС). Согласно Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчуку (см. прим. 1) текстовые коннекторы выражают, или сигнализируют текстовые отношения, которые приравниваются к «риторическим» отношениям в ТРС. Таким образом, выражения «текстовый коннектор» и «дискурсивный маркер» можно в целом считать кореферентными. Впрочем, термин «дискурсивный маркер» иногда применяется более широко.

³ *Garr W.R.* 'bl in Biblical Hebrew and Beyond: Part I // *Babel and Bibel*. 2005. № 2. P. 265–290; *Miller C.* The Pragmatics of waw as a Discourse Marker in Biblical Hebrew Dialogue // *Zeitschrift für Althebraistik*. 1999. Bd. 12. P. 165–191; *Benigni A.* The Biblical Hebrew Particle *ky* from a Discourse Analysis Perspective // *Zeitschrift für Althebraistik*. 1999. Bd. 12. P. 126–145.

⁴ Диссертация Р.Д. Андерсона (*Anderson R.D.* Discourse Markers in Hebrew Bible. Ph. D. dissertation, The University of Utah, 1994) не отвечает этим требованиям. В его работе дискурсивные маркеры понимаются слишком широко.

⁵ Они составляют около 40% всех реплик (94 из 243), при том что ни один из других типов реплик даже близко не приближается по количеству к директивным. См.: *Lyavdansky A.K.* Discourse Particles in Biblical Hebrew Directives // *Judaica Ukrainica*. 2012. № 1. P. 9–28. (<http://rggu.academia.edu/AlexeyLyavdansky/Papers>). Возможно, директивы преобладают и в повседневной речевой коммуникации на любом языке, но мне неизвестны такие подсчеты на примере других корпусов. Пример создания корпуса побудительных реплик известен: *Кодзасов С.В.* и др. База данных «Интонация русского диалога»: побудительные реплики // Труды международной конференции Диалог'2006. М., 2006. С. 236–242.

⁶ *Иорданская Л.Н., Мельчук И.А.* Смысл и сочетаемость в словаре; *Дараган Ю.В.* Риторическая структура текста и маркеры порождения речи. *Taboada M.* Discourse Markers as Signals (or Not) of Rhetorical Relations // *Journal of Pragmatics*. 2006. Vol. 38(4). P. 567–592.

⁷ Wagner A. Sprechakte und Sprechaktanalyse im Alten Testament (Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft 253). Berlin, 1997.

⁸ Wagner A. Sprechakte und Sprechaktanalyse. S. 233–240.

⁹ Diehl J.F. Die Fortführung des Imperativs im Biblischen Hebräisch (Altes Orient und Altes Testament 286). Münster, 2004.

¹⁰ Серль Дж., Вандервекен К. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 252.

¹¹ Wagner A. Sprechakte und Sprechaktanalyse. S. 233.

¹² Такие высказывания принято называть косвенными речевыми актами.

¹³ Поскольку нет никаких формальных признаков вопроса, предложение *ʔāmut baššāmā wənpāḥalti bayad hāʿārelim* иногда понимают как повествовательное. В любом случае важно то, что побуждение выражено косвенно.

¹⁴ Этот пример интересен тем, что в нем присутствует лексический показатель побудительности, — частица *nā*. Известно, что все остальные употребления фразы *hinne nā* связаны с побуждениями.

¹⁵ Wagner A. Sprechakte und Sprechaktanalyse. S. 239.

¹⁶ Изотов А.И. Разрешение как побудительный речевой акт // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей. М., 1998. Вып 5. С. 97–100.

¹⁷ В работе Е.В. Падучевой рассматривается речевой акт «непротivления», к которому, вероятно, можно отнести реплику Эли: *Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996. С. 78–79.*

¹⁸ Перевод мог бы быть таким: «Дай нам семь дней, чтобы мы разослали...».

¹⁹ Стратегии включают не только формирование самой реплики, но и последовательности реплик. Например, для осуществления эффективной просьбы иногда прибегают к предварительным, подготавливающим репликам (prerequests), иногда в виде вопроса (*Blum-Kulka S., House J. Cross-cultural and Situational Variation in Requesting Behaviour // Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies / Ed. by S. Blum-Kulka et al. Norwood, 1989. P. 131.*)

²⁰ Например, М. Аль-Хатиб включает пол и возраст в понятие социальной дистанции (*Al-Khatib M.A. The pragmatics of invitation making and acceptance in Jordanian society // Journal of Language and Linguistics. 2006. Vol. 5. P. 272–294.*)

²¹ П. Браун и С. Левинсон утверждают, что стратегия говорящего определяется тремя (прагматическими) факторами: «властью», или социальной (т.е. вертикальной) дистанцией; собственно «дистанцией» (т.е. горизонтальной) между собеседниками одного социального статуса; трудностью просьбы (Imposition), насколько она ставит под угрозу «лицо» собеседника (face-threatening act): *Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge, 1987. P. 15.*

²² Например, Ш. Блум-Кулка и Дж. Хауз исследуют выбор между импозитивами (т.е. императивами), конвенциональными косвенными директивами и намеками на директивы (*Blum-Kulka S., House J. Cross-cultural and Situational Variation in Requesting Behaviour.*)

²³ «Главный» или «ядерный» речевой акт в данном случае противопоставлен вспомогательным иллокуциям, т.е. тем частям реплики, которые воспринимаются как вспомогательные (индикативные предложения в примерах (6) и (7)).

²⁴ Модификаторы пропозиции, снижающие настойчивость просьбы.

²⁵ Согласно А.К. Поливановой, диминутивы — самая распространенная форма вежливости в современном русском языке («Денежки за проезд передавайте»): Поливанова А.К. *Формы вежливости в современном русском языке* // Поливанова А.К. *Избранные работы: Общее и русское языкознание*. М., 2007. С. 203–205.

²⁶ *Márquez Reiter R. Linguistic politeness in Britain and Uruguay: a contrastive study of requests and apologies* Amsterdam, 2000. P. 134–139.

²⁷ Адресату дают понять, что просьба не может не быть выполнена, предупреждая возможные возражения («Я знаю, что у Вас есть машина»).

²⁸ *Márquez Reiter R. Linguistic politeness*. P. 128–134.

²⁹ *Mann B., Thompson S. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization* // *Text*. 1988. Vol. 8 (3). P. 243–281; *Дараган Ю.В. Риторическая структура текста*.

³⁰ Главная часть реплики или отрезка текста в ТРС называется «ядро», а подчиненная часть — «сателлит»; соответствующие части реплики называются «элементарными дискурсивными единицами», или «дискурсивными единицами», если они имеют свою собственную структуру. В рамках ТРС разработана подробная классификация текстовых отношений, называемых «риторическими».

³¹ См. базовую литературу о дискурсивных маркерах, ссылки на которую есть в работе: *Lyavdansky A. Temporal Deictic Adverbs as Discourse Markers in Hebrew, Aramaic and Akkadian* // *Journal of Language Relationship*. 2010. № 3. <http://rggu.academia.edu/AlexeyLyavdansky/Papers>

³² *Wagner A. Sprechakte und Sprechaktanalyse; Lyavdansky A. Temporal Deictic Adverbs*.

³³ *Lyavdansky A. Temporal Deictic Adverbs*.

³⁴ Ясно, что в случае с библейскими диалогами мы имеем дело не с транскрипцией живых диалогов, а с искусственным, «сконструированным» диалогом. Тем не менее имеет смысл исходить из предположения о том, что автор библейского текста моделировал диалог так, как он мог бы выглядеть в реальной устной речи.

³⁵ Об употреблении *hinne* в побудительных репликах см.: *Lyavdansky A.K. Discourse Particles in Biblical Hebrew Directives*. P. 21–22.

Центр научных работников и преподавателей иудаики
в ВУЗах «Сэфер»

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ИУДАИКЕ

Материалы XX Международной ежегодной конференции по иудаике

Том I

Академическая серия
Выпуск 45

Москва
2014

The Moscow Center for University Teaching
of Jewish Civilization “Sefer”

ספר

**Proceedings of the Twentieth
Annual International Conference
on Jewish Studies**

Volume I

Academic Series
Issue 45

Moscow
2014

Редколлегия:

Л.Ф. Кацис, Е.А. Котляр, А.Е. Локшин,
В.В. Мочалова (*отв. ред.*), С.В. Тищенко, Е.В. Хаздан

Editorial Board:

L.F. Katsis, E.V. Khazdan, E.A. Kotlar,
A.E. Lokshin, V.V. Mochalova (*editor in-chief*), S.V. Tishchenko

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Published with the support of

Американского Еврейского
Объединенного Распределительного Комитета (Джойнт)
The American Jewish Joint Distribution Committee (Joint)

Российского Еврейского Конгресса
Russian Jewish Congress

Фонда «Генезис»
Genesis Philanthropy Group

(в рамках благотворительной программы
Charities Aid Foundation «Еврейские сообщества»)

Оформление: Сергей Трофимов
Верстка: Ольга Волкова
Корректор: Екатерина Кузнецова

ISBN %%%%

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в ВУЗах «Сэфер», 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Центр «Сэфер», оригинал-макет, 2013

Содержание

От Редколлегии	5
----------------------	---

Библейские и талмудические исследования

<i>Сергей Тищенко.</i> Обряды элиминации в 16-й главе Книги Левит	11
<i>Алексей Лявданский.</i> Побудительные реплики в древнееврейском: структура и прагматика	23
<i>Александр Лифшиц.</i> Игра слов в истории об исцелении Наамана от проказы (2 Цар 5)	37
<i>Aliza Shenhar.</i> Women in the Book of Esther	49
<i>Simcha Fishbane.</i> Intoxication on Purim	53
<i>Максим Григер.</i> Первое упоминание о евреях в древнем Риме	64
<i>Дмитрий Мельник.</i> Отношение евреев к языческому окружению по материалам Дидахе	70
<i>Елена Федотова.</i> Жертвенная гибель как подтверждение богоизбранности или прав на трон, библейская и шотландская модели в сравнении	75
<i>Елена Борисевич.</i> Есть ли связь между гебраизмами в тексте Книги Бытия из Венецианской Библии (1506) и из издания Франциска Скорины?	92

Евреи и окружающие народы. Иудео-христианские отношения

<i>Arvydas Maciulevicius.</i> The 1495 Expulsion of the Jews from Lithuania and the Judaizing Movement in Russia: Was There a Connection?	111
<i>Татьяна Хижася.</i> Субботники и евреи в российском обществе XIX — начала XX вв.: дискурсы восприятия	131
<i>Максим Хижий.</i> Некоторые особенности антисемитской пропаганды и церковная печать в России в начале XX века	151

<i>Виктор Шнирельман.</i> Колено Даново: возвращение религиозного антисемитизма	159
---	-----

Еврейская литература

<i>Алина Полонская.</i> Традиционные источники в рассказах И.Л. Переца о нечистой силе	179
<i>Елена Толстая.</i> Жаботинский — критик Горького	206
<i>Юрий Орлицкий.</i> Особенности стихотворной организации комедии В. Жаботинского «Чужбина»	230
<i>Галина Элиасберг.</i> Ранняя драматургия Владимира Жаботинского: четыре одноактные пьесы 1902 г. («Ладно: картина из быта молодежи» и трилогия «Барышня»)	241
<i>Михаил Вайскопф.</i> Проза Владимира Жаботинского на перекрестке культурных традиций	270
<i>Леонид Кацис.</i> К проблеме построения единой системы псевдонимов Владимира Жаботинского (1899–1905)	284
<i>Евгений Раиковский.</i> Яков Голосовкер и Ханна Арендт: философская анатомия «эры ненависти»	305
<i>Батия Вальдман.</i> Петербург (Ленинград) в жизни и поэзии Иохевед Бат-Мирьям	314
<i>Инара Кудрявская.</i> Дорога в мишкинской трилогии Григория Кановича	326

Еврейское искусство

<i>Евгений Котляр.</i> Иерусалим, Храм, Эрец-Исраэль, места «силы и святости» в живописных декорациях синагог	341
<i>Lela Tsitsuashvili.</i> Collections of Jewish Historic-Ethnographic Museum of Georgia	381
<i>Алек Эпштейн.</i> Художники «еврейского Монпарнаса» и развитие музеев в Израиле	387
<i>Евгения Хаздан.</i> Музыка ашкеназской свадьбы: сфера голоса	409
<i>Инецца Двужильная.</i> В гармонии двух муз: музыкальность живописи Григория Фрида (посвящается памяти композитора)	422
<i>Наталья Шевченко, Елена Асаулова.</i> Исследование памятника на пергаменной основе «Свитка Торы» из коллекции Житомирского областного краеведческого музея	436
Summaries	442
Об авторах	449